УДК 811.111

Мирослава Метляева (Лукьянчикова),
д-р филол. наук, науч. сотр.,
Институт Румынской Филологии
"Богдан Петричейку-Хашдеу" (Республика Молдова)

ТРАНСГУМАНИЗМ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ДУАЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДА

Трансгуманизм предполагает совершенствование человека как неконечного звена эволюции на основе его соединения с технологическими элементами. Новообразование "человек-машина", с точки зрения автора, представляет собой сомнительное благо для человеческой цивилизации и планетарной экологической системы. Оно, прежде всего, анахронично и преследует основную цель – сингулярность, т.е. управление интеллектуальной энергией в жестких рамках технологии. Мыслительная деятельность и одна из сложнейших ее сторон – перевод мысли в языковую форму – представляют собой препятствие на пути создания совершенного искусственного интеллекта, так как перевод не ограничивается формулами. Точность терминологии и отсутствие многозначности слова – цель Искусственного интеллекта и одновременно – ограничение развития языкового мышления.

В статье схематически представлена эксплицитная последовательность переводного процесса. На конкретных примерах автор демонстрирует разницу мыслительных операций Искусственного интеллекта и человека в процессе перевода. По мнению автора, перевод является универсальным свойством человеческого мышления, и процесс воплощения мысли в речевую форму обусловлен биолого-генетической, эмоциональной, социально-исторической памятью и опытом, а также возможностью индивидуального перевода мысли на родной и любой язык. Кроме того, перевод является одним из мощнейших качеств выживания homo sapiens.

Ключевые слова: *трансгуманизм, сингулярность, искусственный интеллект, перевод, память, опыт.*

Трансгуманизм является развивающимся направлением в философии, которое стало играть все большую роль в понимании явлений основных сторон социальной жизни с установкой на будущее. Казалось бы, главные цели трансгуманизма – постоянное совершенствование человека как неконечного звена эволюции на основе научно-технических

открытий и новых технологий, могущих вывести человека на новый, ранее недосягаемый уровень, имеют под собой благие намерения. Однако, если в конце XX века это направление воспринималось футурологами в целом положительно, то со временем оценки идей трансгуманизма стали приобретать явно неоднозначный характер. Оппоненты данного направления философской мысли пришли к выводу, что реализация идей трансгуманизма подорвет традиционные ценности гуманизма во всех сферах человеческого бытия, наработанные тысячелетиями развития человечества.

Марк О'Коннелл, автор книги "To be a machine: Adventures among cyborgs, utopians, hackers, and the futurists solving the modest problem of death" (в русском переводе: "Искусственный интеллект и будущее человечества") демонстрирует, что при всей своей устремленности в будущее, трансгуманизму присуща "парадоксальная сила его анахронизма. […] В том будущем, которое трансгуманизм с нетерпением ожидает, он так или иначе будет обращен в прошлое" [О'Коннел, 2019, 15].

Не углубляясь в истоки возникновения трансгуманистических идей в их современном понимании, следует все же обратиться к учению Людвига Фейербаха с его тезисом о том, что человек создал бога по своему образу и подобию. Более того, у Фейербаха четко прослеживаются идеи деперсонализации и коллективного сознания, следуя которым необходимо следовать принципу, что человеческое сообщество никогда не сможет достичь совершенства и счастья при условии наличия в нем индивидуумов [Корсаков, 2012, 82].

Кай-Фу Ли, известный китайский ученый в области современных технологий, в своих прогнозах о будущем человеческого сообщества, акцентирует внимание на том, что быть оптимистом в гонке в сфере искусственного интеллекта возможно только помня об ответственности, которую налагают технологии, и что истинная победа находится там, куда нет доступа даже самым умным машинам, то есть смысл жизни следует искать не только в профессиональных и научных прорывах.

Как пример технократического направления трансгуманизма он приводит Рэя Курцвейла – эксцентричного изобретателя

и крупнейшего идеолога GOOGLE, который считает, что в будущем люди и машины сольются воедино. "По его представлению, люди будут "загружать" свой разум в облака и постоянно обновлять ткани тела с помощью специально обученных нанороботов, введенных в кровоток. Курцвейл предсказывает, что к 2029 году мы получим компьютеры с интеллектом, сопоставимым с человеческим, а точка сингулярности будет достигнута к 2045 году" [Кай-Фу Ли, 2019, 144].

Сингулярность как термин означает превосходство машинного интеллекта над возможностями создавшего его человека. Однако, в любом случае, при всех кибернетических усовершенствованиях интеллектуальной креатуры с включением усеченной биоструктуры (в основном, структур мозга) ее модификаторы – технократическая элита – преследуют основную цель – управление интеллектуальной энергией в жестких рамках технологии с сохранением соподчиняющей иерархии. То есть, вновь ставится вопрос о власти. Таким образом, происходит возвращение к старым идеям создания человека, начиная с сотворения Адама, продолжая Големом, а затем Франкенштейном (не будем упоминать обо всех автоматах, имитирующих человека, чем занимался и великий Леонардо да Винчи) вплоть до идей теоретического основоположника трансгуманизма Людвига Фейербаха и более раннего Томаса Гоббса, согласно которому порядок в обществе может быть достигнут только посредством заключения договора между гражданами и государством, которому каждый гражданин уступает свою власть, получая взамен защиту жизни и собственности [О'Коннел, 2019, 132]. Правда, о каком общественном договоре можно говорить в эпоху создания киборгов: кого с кем? В каком социуме? И в этом ли состоит технократическая мечта? Все гораздо противоречивее.

Казалось бы, какое отношение имеет перевод, как один из видов человеческой деятельности к актуальным философским проблемам, в том числе и к трансгуманизму?

Начнем со дня сегодняшнего и того, что Европейская организация COST – European Cooperation in Sciense&Tehnologie разработала проект с тремя стратегическими приоритетами:

продвижение и распространение передового опыта, развитие междисциплинарных исследований для прорывов в науке и расширение прав и возможностей по привлечению молодых исследователей и новаторов. COST выполняет свою миссию, финансируя восходящие, ориентированные на совершенство, открытые и инклюзивные сети для мирных целей во всех областях науки и техники.

В документе, направленном в Институт Румынской Филологии "Богдан Петричейку-Хашдеу" Министерством Образования, Культуры и Исследований РМ с целью привлечения сотрудников, желающих примкнуть к участникам проекта COST по выбранному заявителем направлению, меня заинтересовало направление CA19102 Language in the Human-Machine Era (p. 4): "В ближайшие 10 лет многие миллионы людей будут… носить относительно ненавязчивые…устройства, которые предлагают захватывающий и визуально расширенный мир с высоким разрешением" [Perlin, 2016, 85]. Это "эра человека-машины", время, когда наши чувства не просто дополняются портативными мобильными устройствами, но полностью дополнены. (…) Может ли наша теория, методы и эпистемология справиться с этим? Может ли увеличиваться зависимость от языковых технологий в реальном времени? Может ли измениться структура языка? В долгосрочной перспективе, возможно ли появление мозга-машины, где интерфейсы служат для дополнения или даже замены языка в целом?" [Cost-action].

Разработчиками проекта в какой-то степени обозначены этические последствия появления языка технологии: неравенство доступа к технологиям, вопросы конфиденциальности и безопасности, новые векторы для обмана и преступления и т.д.

Приводим перечисление областей экспертизы в научной сфере, относящиеся к теме нашей статьи – языки и литература: письменный и устный перевод; язык; искусственный интеллект; человек-машина; интерфейсы и т.д. На первом месте в проекте COST – языки и литература: письменный и устный перевод.

И не случайно. Перевод, при всей своей древности и при всей своей значимости в большинстве сфер человеческой

деятельности, все же продолжает во многих своих аспектах оставаться terra incognita. Послевоенный информационный взрыв, приведший к существенным изменениям в переводческой деятельности, а также междисциплинарный подход к проблемам лингвистики, поднявший вопросы экстралингвистических аспектов вербальной коммуникации, и развитие науки о литературном процессе сделали возможным дальнейшее развитие науки о переводе. Теория непереводимости получила ощутимый удар, так как языковые факторы порождают не только трудности для перевода, но и условия для их преодоления: "Независимо от справедливости той или иной гипотезы, наличие у всех языков существенных универсальных черт не вызывает сомнения. Эта универсальность, разумеется, является важной предпосылкой успешного перехода от одного языка к другому в процессе перевода" [Комиссаров, 2009, 17].

Перевод, как рентгеновский снимок, выявляет скрытое за одеждой слов. С нашей точки зрения, то, что переводится, а именно – авторский художественный текст – представляет собой отдельную устойчивую мегаединицу (обращаю внимание: именно мега-единицу), т.е. огромное неизменяемое сочетание слов, объединенных авторской идеей. Авторский художественный текст, повторимся, есть устойчивое смысловое мегасочетание слов. При всех достижениях современного переводоведения в области профессионального и технического перевода, все же существуют лакуны в том, что касается теории художественного перевода. Тот факт, что реальному наблюдению и научному анализу доступны лишь данные "на входе" и "на выходе", а сам интеллектуальный процесс переводческого преобразования происходит скрытно, в сложнейших психолингвистических энергетических узлах мозговой деятельности переводчика, превращает теорию перевода в сопоставительную дисциплину. Все выводы о механизме перевода делаются на основе сопоставления исходных и результативных данных. В качестве данных для сравнения выступают произведения – исходное (авторское) и финальное (результат перевода).

Схематически эксплицитная последовательность переводного процесса представляет собой двойную логико-семантическую цепь, где внешний уровень – это эмоциональное проявление → определение своеобразия исходного текста → установление ключевого лексического знака; а внутренний (психофизический) уровень – обдумывание/духовный настрой → когнитивная система → конфликт на межкультурном уровне → установление взаимодействия автор/переводчик. Эти две стороны процесса объединяются в интер – и экстрадействии составления комментария, итогом чего становится выбор и воспроизведение адекватного идиолектного ключевого знака.

Перед нами два источника знаний: объекты внешнего мира и деятельность собственного ума. На первые направляются внешние чувства, в результате чего получаются впечатления (идеи) о внешних вещах. Что касается второго источника знаний, а к нему относятся мышление, сомнение, вера, рассуждения, познание и желания, он познается особым внутренним чувством – рефлексией. Таким образом, имеется возможность раздвоения, "удвоения" психики, т.е. она может протекать как бы на двух уровнях: а) восприятия, мысли, желания; б) наблюдения, созерцания этих восприятий, мыслей и желаний [Головин, 2001, 257].

Богдан Гиу [Ghiu], румынский исследователь в области перевода, в своих размышлениях о сущности переводческой деятельности сделал весьма существенное замечание о необходимости "выявить и проанализировать специфику, а именно, до публикации, некоей невидимой части, несуществующей с точки зрения культуры, литературы: паратекст переводчиков, то есть то, что они фиксируют во время перевода (и, очевидно, что за тип письма представляет собой перевод). Но этого еще никто не знает и не говорит об этом. Рассматриваемый с этой стороны, перевод является совершенно новым, даже девственным, объектом (мета-) исследования. Я имею в виду будущее" [Ghiu, 2015].

В своем исследовании, посвященном интерпретации переводов шедевра мировой литературы поэмы "Лучафэр" румынского поэта Михая Эминеску на русский язык, мной был

сделан определенный акцент на интроспективном исследовании собственных мыслительных процессов, происходивших во время переводной деятельности. При всей своей субъективности "метод интроспекции" считается одним из базовых методов исследования языка. Языковое чутьё, языковая интуиция свойственны в той или иной степени всем пользователям языка. Эти способности – примеры проявления самонаблюдения, позволяющего человеку непосредственно осознавать некоторые аспекты языка. Однако мы не абсолютизируем этот метод, а применяем его в сочетании с другими, используя в своей работе разные подходы к проблемам перевода поэзии.

При переводе основная наша цель состояла в смысловой передаче авторской идеи с максимальной верностью художественным особенностям оригинала. Вся трудность заключалась в том, что перед нами находился линейный текст, а нам следовало передать на целевой язык объемность идеи, не отступая от текста. Появлялся риск, подстерегающий каждого переводчика, стать рабом видимой, линейной части содержания.

Передача объемности идеи зависит от объемного понимания переводчиком ее смысла и его способности определить знаки-зарубки, являющиеся ключом к распахиванию дверей во внетекстовое (подтекст, интертекст, интратекст и т. д.) ассоциативное пространство.

Все эти элементы творческих проявлений являются неотъемлемой частью мыслительной деятельности переводчика художественной литературы (подчеркиваю, художественной), неразрывно связанной с воображением. Эта психическая деятельность представляет собой поле столкновения критического мышления, направленного как на чужие суждения, так и на собственные суждения переводчика. Это поле творческого мышления связано с генерированием собственных идей и оценкой идей автора оригинального текста.

В психолингвистике существует понятие прецедентного текста, то есть такого текста, который известен культуре и к которому есть отсылки в речи. Отсылка может быть не преобразованной и преобразованной, вплоть до единичного

компонента – слова, повышая смысловую нагрузку текста, и активизирует читателя (в нашем случае – переводчика).

Нет ни одного писателя ни в одной из эпох, кто бы стал заниматься творчеством с нуля: сознательно или подсознательно в нем сосредоточен достаточный национальный и мировой литературный опыт, который М. М. Бахтин называл "памятью литературы". В более широком смысле эту память можно отождествить с предшествующим Опытом, о чем мы упоминали выше.

Богдан Гиу, рассуждая о переводческой деятельности, делает вывод: "Мы не совершаем разными способами и в разной степени ничего, кроме как занимаемся переводом, изначально переводим. Делаем то, что меняет всё. Или, точнее: может изменить всё…" [Ghiu, 2015, 2].

Он подводит нас к очень важному выводу о том, что авторы являются первыми переводчиками и что перевод начинается намного раньше, чем сам межъязыковой перевод, когда делается попытка воссоздать текст одного языка в рамках другого, то есть попытка перенести его из одного языкового пространства в причудливые структуры другого языка.

Если подойти к проблеме перевода шире, то мы приходим к выводу, что перевод является универсальным свойством человеческого мышления. Прежде, чем облечь мысль в речевую форму, в сознании происходит процесс, последовательность которого, на наш взгляд, такова: аморфная мысле-форма > мысле-идея > мысле-текст > перевод (передача) на исходный язык для коммуникативного обмена.

На этом этапе можно говорить о декодификации, толковании, переводе "языка" мышления автора самим автором для воспроизведения того, что он хочет передать рецептору (читателю). Размышления о творческом акте трансформации образа мысли в словесное отражение, т. е. о переводе вдохновения в лингвистические параметры – предмет интереса не только психологии и философии, но и самих творцов художественных текстов. Это предельно ясно выразил в своём стихотворении "Silentium" русский поэт Ф. Тютчев – "Мысль изречённая есть ложь".

Псурцев В.Д. останавливается на аспекте смыслоформирования (как в порождении, так и в восприятии), отмечая, что "специфика художественного текста (…) заключается в принципиальном отсутствии у его создателя и его интерпретатора установки на "простую очевидность", одномерность смысла. (Поэтому антиподом художественного текста будет текст, такой установкой не обладающий)" [Псурцев, 2009, 251–252].

В этой связи дополнительным критерием становится роль образно-ассоциативных компонентов. Именно образно-ассоциативные компоненты стилистически маркируют художественный текст. Следует также отметить весьма существенное замечание Псурцева В.Д., что имеет непосредственное отношение к переводу: "(…) текст оригинала и текст перевода (…) в своей данности линейны, тогда как замысел и смысл объемны" [Псурцев, 2009, 255].

И тут на пути "очеловечения" машины стоит препятствие. Никакая машина никогда не будет способна на решение задач, стоящих перед автором как первым переводчиком собственной мысле-идеи из аморфной мыслеформы на родной язык. Никакая машина не справится с задачами, стоящими перед переводчиком художественного текста с исходного языка на язык принимающий. Передача объемной авторской мысли связана с кодами как исходного, так и принимающего языка. Расшифровка авторской мысли связана с мышлением переводчика и всеми психосоциальными и иными компонентами временной и пространственной среды обоих.

"Социальное влияние вездесуще. Оно осуществляется везде и всегда. Это – часть устройства мира" [Зимбардо, 2000, 15]. Один из основателей социальной психологии, Курт Левин, давным-давно, подарил нам простое уравнение: "поведение является функцией двух переменных – уникальной личности индивидуума и ситуации, в которой он или она совершают поступки" [Зимбардо, 2000, 51]. Отстраниться, абстрагироваться от этого как литератору, так и переводчику невозможно, так как они оба, несмотря на важность признания их индивидуальной диспозиции в сфере влияния, все же находятся под воздействием

второй, не менее значимой составляющей влияния – власти ситуации, власти темпоральной среды.

В философии постмодернизма широко анализируется феномен власти языка. Согласно концепции Р. Барта, теоретически возможно лишь два альтернативных варианта соотношения власти и языка: сотрудничество языка с властью и его оппозиция по отношению к ней, – языковой нейтралитет в отношении власти, по Р. Барту, оказывается в принципе невозможным, – "одни языки высказываются, развиваются, получают свои характерные черты в свете (или под сенью) Власти... Другие же языки вырабатываются, обретаются, вооружаются вне Власти и/или против нее" [Барт, 1973]. В терминологии Р. Барта языки первого типа обозначаются как "энкратические языки" (которым соответствуют "энкратические виды дискурса"), языки же второго типа – как "акратические" (и – соответственно – "акратические виды дискурса") [Барт].

Перевод и интерпретация неразрывны, и влияние внешних факторов на переводческую деятельность повсеместно, о чем свидетельствуют многочисленные примеры неадекватных переводов, созданных под прессингом социально-исторических факторов той или иной эпохи.

В этом отношении довольно широкую известность получила Скопос-теория, выдвинутая в 1984 году германскими учеными Катариной Райс (K. Reiss) и Гансом Вермеером (H. Vermeer) в работе "Grundlegungeiner allgemeinen Translationstheorie" [Райс, 1978]. Авторы исходят из того, что параметры перевода определяются потребностями и запросами читателя-заказчика, то есть цель перевода – предполагаемый адресат, и переводчик волен либо воспроизводить оригинал, либо отклониться от него, либо вовсе пренебречь им, не особо уделяя внимания языковым тонкостям. Фактически, эта теория претендует на научное обоснование целевого перевода.

С нашей точки зрения, это одна из ступеней к овладению мыслительным процессом в случае невозможности воспроизведения его в полном объеме в искусственном варианте мозг-машина. То есть, **если невозможно контролировать**

мыслительные процессы изнутри, то гораздо проще воздействовать на них извне.

Барт Р. отмечал: "Между прочим, энкратический язык (тот, что возникает и распространяется под защитой власти) по самой своей сути является языком повторения; все официальные языковые институты – это машины, постоянно пережевывающие одну и ту же жвачку: школа, спорт, реклама, массовая культура, песенная продукция, средства информации безостановочно воспроизводят одну и ту же структуру, один и тот же смысл, а бывает, что одни и те же слова: стереотип – это политический феномен, это само олицетворение идеологии" [Цитируется по русскому переводу Г.К. Косикова: Барт, 1989, 494].

Навязанные стереотипы мышления сужают горизонты сознания и тем самым задают автоматические алгоритмы в нужном направлении с подавлением нежелательной непредсказуемости индивидуального интеллекта при переводе мысле-текста на исходный или целевой язык. Повторимся, что для авторов Скопос-теории несущественна степень, в какой перевод приближен к оригиналу, если он соответствует собственной цели. Перед нами не теория перевода, а теория текстовой переделки, теоретизирование на тему коммерциализации перевода на мировом рынке.

Эти идеи издавна находили отражение в произведениях мировой литературы. Жесткую констатацию этого явления, присущего грядущему "обществу технологической идеи", растворившему в себе весь абсурд "общества потребления" и ведущему к тотальной несвободе, сформулировал в 1948 году в своей пророческой антиутопии "1984" Джордж Оруэлл: "Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев ангсоца, но и сделать невозможными любые иные течения мысли. ... Новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли, и косвенно этой цели служило то, что выбор слов сводили к минимуму [Оруэлл, 2016, 266–267].

И далее следует: "Дореволюционную литературу можно было подвергнуть только идеологическому переводу, то есть с заменой не только языка, но и смысла. Полным переводом мог

стать только идеологический перевод… Именно таким образом и переделывалась, кстати, значительная часть литературы прошлого [Оруэлл, 2016, 277].

В грядущей Океании эмоционально-когнитивная сторона жизни сведена к минимуму: книги сочиняют на машинах, знание иностранных языков большинству запрещено. Здесь действует доктрина "подвижного прошлого", согласно которой память преступна, когда она верна истине, а прошлого нет, за вычетом того, как оно сконструировано на текущий момент.

Реальность довольно часто совпадала с прогнозами авторов-провидцев. Так "Переводная деятельность в Республике Молдова, как и вся деятельность, до 1991 года была ограничена... Изучение иностранных языков и функционирование соответствующих направлений (преподавание, перевод и т. д.) находились под неослабным контролем (…), т.к. относились к деятельности, которая могла иметь большое идеологическое воздействие на отдельные группы или общество в целом (…). Из-за цензуры молдавские журналисты должны были вначале писать свои статьи на русском, и лишь затем текст переводился на "молдавский" [Condrea, 2006, 24].

Весьма показательна и судьба Александра Робота (Алтер Ротман, 1916–1941), румынского писателя и поэта-авангардиста, журналиста и литературного критика, творчество которого испытало на себе особое влияние энкратического языка. В творчестве А. Робота, чья поэзия в 30-ые годы была воспринята современниками чрезвычайно экспериментальной и на которую обратили внимание такие выдающиеся деятели литературы и культуры как Джордже Кэлинеску, Е. Ловинеску, Перпессичиус и др., наблюдается творческая деградация, связанная с суровыми историческими условиями советского режима, куда он попадает, не видя иного спасения от фашизма. Его яркое творчество начала 30-х г.г. XX века в условиях литературной доминанты – социалистического реализма претерпело кардинальные изменения, ознаменовавшие победу идеологического прессинга над судьбой художника. Огромный талант был приведен в состояние общего

и анонимного знаменателя. Для сравнения приведем по две строчки из известных стихотворений:

а) *Цветок, как бабочка./*

А я попал, как в невод, в сети дня (Пейзаж, 1932);

б) *Вот первая советская колхозная весна./*

И, степь пересекая, Днестр расцветает (Цветет Молдова, 1940) [Robot, 2018].

Переводить, как отмечает Мишель Леклерк-Олив (Michèle Leclerc-Olive), означает попытку "избегнуть навязанной нормативности" концепций, т.е. создавать, нащупывать, ощущать необходимость определенной локальной ре-"концептуализации" [Ghiu].

Несмотря на множество трансгуманистических направлений, все они преследуют единственную цель – создание человека, лишенного физических недостатков. Но практически никто из основоположников данных философских концепций не ставит вопроса о месте эмоций, нравственности, культуры в сознании человека будущего.

Дело в том, что их там просто нет: постчеловек представлен высшим био-технологическим видом, чье сознание будет основано на искусственном интеллекте. Таким образом, общечеловеческие понятия о добре и зле, о познании своей истории, о своем месте в бытии, о взаимоотношениях с себе подобными не будут иметь для него никакого значения, ибо он утратит огромную часть себя в потере ненужного для человека-машины всестороннего предыдущего Опыта.

Равновесие между абсурдом и рациональностью весьма проблематично. Центром притяжения романа известного румынского поэта и прозаика Никиты Данилова "Маша и Инопланетянин" является диалог, создаваемый авторским воображением. Напряженное столкновение разных миров и мироощущений происходит между деревенской женщиной Машей из старообрядческого румынского села Бродино с уставшим от вечности пришельцем, заглянувшим сюда из иной галактики. Происходит непростая попытка стыковки двух нравственных систем, переходящая по ходу действия в своеобразный поединок естественного человека с цивилизационной

и социально-технократической насильственной его "эволюцией". Роман завершается предвидением грядущей гибели всего хорошего и плохого в человеке и воскрешением бесконечного, не оставляющего почти никакой надежды, зла, потому что во чреве Маши "…*округлом, как тыква и полном формул, цифр, треугольников, шестиугольников и других абстракций, толкая друг друга козьими рожками и живо перебирая копытцами, новый Адам и новая Ева готовились появиться на свет, в этот новый, новый, новый мир...*" [Данилов, 2018, 194].

Следует учесть, что "воображение творческое нередко выступает как временно исполняющее обязанности мышления логического. …В строгом смысле мышление логическое возможно, когда имеется достаточно сведений или их можно добыть логическим же путем. А если их мало и добыть невозможно, помогают интуиция и воображение творческое, создавая пропущенные звенья и увязывая факты в систему" [Головин, 2001, 106], пока не будут найдены реальные факты и связи между ними, подтверждающие или опровергающие работу воображения. "Такая роль воображения творческого неодинакова в различных областях деятельности: так, в научном поиске его роль несколько меньше, чем в литературном творчестве" [Головин, 2001, 106].

Процесс художественного перевода, основанный на воссоздающем воображении переводчика, является ярким воплощением творческого начала. "Человек никогда не сводился к персонажу, который можно было бы с приемлемым упрощением охватить целиком. Это тщетная мечта многих. Едва только его поняли в самом простом его аспекте, как человек снова утверждается в обычной своей сложности" [Бродель, 1986, 596].

Странно ожидать от машины – искусственного интеллекта, что она будет думать как человек или станет руководствоваться той же моралью, что и *homo sapiens*.

Если вернуться к тезису Б. Гиу и предположить, что все мы (в том числе и рядовые граждане) занимаемся постоянно не чем иным, как переводом, т.е. всем людям присуще это свойство, то

естественно, что в процессе общения (мы ведь социальные создания) в сознании каждого, в той или иной степени происходят те же процессы, что и у автора какой-либо идеи или у профессионального переводчика, которые трансформируют свои мысли в языковые смысловые формы.

То есть **когда мы говорим, что процесс перевода на его внутреннем этапе являет собой сложнейшую психофизическую систему, совершенно разную у каждого хомо сапиенса при общности многих параметров, мы имеем в виду и то, что это одно из мощнейших свойств его выживания.** В связи с разделением трудовой деятельности, появлением профессиональных языков и усложнением социальной иерархии, энкратический язык, имеющий много общего с практическими проявлениями трансгуманизма в его устремлениях к Искусственному интеллекту, приобрел особое значение в усилении воздействия на массовое сознание.

Объемность идеи – это не для трансгуманизма, т. к. при всем желании невозможно создать такой Искусственный интеллект (ИИ), который включал бы все естественное и непредсказуемое интеллектуальное своеобразие человечества. Поэтому Совершенный Искусственный Интеллект (СИИ) может унифицировать только отдельные этапы переноса мыслительного процесса в зримую и слуховую форму для технического усовершенствования кибернетического устройства с органической системой человека (или того, что от нее останется).

Техническое мышление как прикладная часть непредсказуемого объемного мышления, присущее определенной высоко-технологической касте профессионалов, имеет тенденцию к упорядочению, систематизации и регламентации. То же самое относится и к научно-техническим сферам языка, не терпящим синонимизации, т.е. многообразия. **Неспособность к многомерному восприятию реальности неизбежно оборачивается индифферентностью технократов, а подобная индифферентность – это демонстрация отсутствия гуманитарных инструментов различия.**

Носители технократического языка – языка прикладного и не содержащего в себе эмоционально-психологического, этнического,

этического и т.д. содержания, чаще всего являются опорой власти, заинтересованной в механистическом обуздании сознания и приближении рядового человека к машине приучением последнего к мысли о пользе его усовершенствования с помощью технологий, позволяющих обгонять природные мыслительные и иные способности. Чаще всего приводятся примеры о способности современных компьютеров обыграть человека в шахматы или в китайской игре GO с бесчисленным количеством комбинаций. Отсюда и попытки сведения всего (из социально-экономических интересов), к универсальному языку цифр, не содержащему в себе эмоционально-нравственной и культурно-исторической составляющих. Но человеческое бытие не сводится к играм, какими бы сложными они ни были. Они, прежде всего, игры регламентированные. Решение игровых задач, так или иначе, можно рассчитать с помощью AlphaGo, **запрограммированной все-таки человеком**.

Марк О'Коннелл подчеркивает, что трансгуманисты, какими бы рациональными они себя ни представляли, своей гуманитарной ограниченностью не могут вызывать ни доверия, ни симпатии и жить в их будущем весьма проблематично, если учесть, что и понятия жизни в ее привычном смысле, у них нет. Однако О'Коннелл ощущает это будущее в современной реальности, т. к. не всегда уверен, живет ли он в настоящем. Работая с компьютером, нами было отмечено проявление определенной зависимости от него в повседневной интеллектуальной работе. И это касается, прежде всего, перевода. Современный машинный перевод непригоден для транспортирования образного текста в иную языковую среду. Однако есть легкая возможность преобразования образного текста в его противоположность. В этом можно убедиться, прибегнув к переводчику GOOGLE. Существуют реальные предпосылки для удовлетворительного перевода технических, научных, профессиональных текстов, то есть тех, которым противопоказана полисемия. Чем выше терминологическая и структурная точность (с отсутствием образно-эмоциональных особенностей), имеющая к тому же интернациональный характер, тем качественней машинный перевод, ибо не требует

от машины того, чего она не может – быть человеком во всех смыслах этого слова.

Так вот, при срочном переводе собственного текста на другой язык, прибегнув к помощи компьютера, совершенно сознательно (в чем нами был дан отчет в последующем интроспективном наблюдении за собственным процессом перевода), свою мысль мы стремились оформить лексически, грамматически и стилистически как можно более нейтрально, подстраиваясь к алгоритму машины. То есть мы намеренно пошли "навстречу машине", лишив себя возможности образной передачи сообщения с целью облегчить свою работу.

Когда речь идет о переводе однозначного мысле-текста, такой подход к переводу его смысла как на исходном, так и на целевом языке необходим, но если речь идет о сообщении, имеющем прецедентный и иные образные аспекты, то идя на поводу у оперативности работы, мы теряем в художественной выразительности, а если идти дальше, то и в возможностях творческого самовыражения и развития языка в целом.

Понимая, что машине недоступен весь комплекс распознавания и декодирования человеческой коммуникативной способности, теперь, уже не задумываясь о последствиях, руководствуясь прагматикой и идя навстречу искусственному интеллекту, пользователь компьютера автоматически идет к личному сближению с машиной и невосполнимой утрате естественного хода перевода мысле-текста, к его опрощению, т. е. примитивизации собственных интеллектуальных возможностей.

Процесс этот будет идти дальше из-за присущей изначально склонности человека облегчить себе жизнь, руководствуясь социально-экономическими целями и отодвигая в сторону эмоционально-этические нюансы.

Сокращая объем творческой мысли, пользователь идет на поводу у линейного ее воспроизведения по навязанным шаблонам машинного мышления. Так исподволь навязывается и осуществляется "воспитание" пользователя. Это не победа Искусственного интеллекта, а поражение человеческого в погоне за иллюзией собственного совершенствования. Ибо, сокращая в угоду актуализации сиюминутных задач свои более затратные во времени, но

неизмеримо более широкие творческие возможности, мы способствуем утрате многих навыков и умений.

Человек – социальное создание. Извращения в сознании возникают от пресыщения. Одним из самых древних и наиболее опасных является стремление к созданию технологий управления сознанием человека во имя очень банального желания – беспредельной власти над себе подобными, во имя пирамидальной иерархии с так называемым "сверхинтеллектом" на ее вершине. Превознося науку, актуальные трансгуманисты прежде всего превозносят ее прикладные результаты, игнорируя фундаментальные науки.

Читая Оруэлла, ловишь себя на мысли о происходящем как о чем-то очень знакомом: "На новоязе нет слова "наука". Эмпирический метод мышления, на котором основаны все научные достижения прошлого, противоречит коренным принципам ангсоца. И даже технический прогресс происходит только там, где результаты его можно как-то использовать для сокращения человеческой свободы. В полезных ремеслах мир либо стоит на месте, либо движется вспять" [Оруэлл, 2016, 171].

Наука требует напряженной работы, и фундаментальные прорывы в ней случаются не часто. С другой стороны, власть стимулирует преимущественно прикладной, практический потенциал науки, ее сиюминутную эффективность без глубокого исследования ее последействия.

Все, чего ждет от нас энкратическая общественная система – это сведение языкового общения к языку формул и цифр. Освобождаясь от ассоциативного ряда, прецедентности мышления и т. д., мы теряем огромные пласты человеческого опыта, эмпирическую часть себя, и в итоге остается энкратический язык и рудименты усеченной биологической природы, откликающейся на электронные сигналы. Все более явным становится факт, что проще отслеживать с помощью машины индивидуальную мыслительную деятельность, чем создать Совершенный ИИ.

М. О'Коннелл, размышляя о далеко идущих целях технократии, демонстрирует свой мрачный взгляд на технологию как на "инструмент человеческой порочности на службе власти, денег и войны" [О'Коннелл, 2019, 133].

История трансгуманизма свидетельствует о его механистическом взгляде на человеческую жизнь, а именно, что человек – это устройство, его долг – стать лучшими версиями себя, то есть трансгуманизм – это освободительное движение, выступающее за полное освобождение от самой биологии. "Есть другой взгляд на этот счет: равнозначная противоположная интерпретация, которая заключается в том, что такое кажущееся освобождение в действительности есть не что иное, как окончательное и полное порабощение технологиями" [О'Коннелл, 2019, 14].

Однако не следует забывать о том, что у всего человечества есть нечто, что внушает определенный оптимизм – это уникальное природное свойство – генетическая, эмоциональная и социально-историческая память, а также возможность индивидуального перевода своей мысли на родной и любой другой язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О'Коннелл М. *Искусственный интеллект и будущее человечества*. – Москва: Эксмо, 2019. – 272 с. – O'Connell M. "To be a machine: Adventures among cyborgs, utopians, hackers, and the futurists solving the modest problem of death", Toronto: Doubleday, 2016, 256 pp. (in Russian translation: " Artificial Intelligence and the Future of Humanity ").

2. Корсаков А.И. *Религия и наука в трудах основателя первого позитивизма*. Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Вып. 2 (40). – Москва, 2012. – С. 80-92. Korsakov A.I. Religion and Science in the Works of the Founder of the First Positivism. In: Bulletin of PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Issue 2 (40). – Moscow, 2012. p. 80–92.

3. Кай-Фу Ли. *Сверхдержавы искусственного интеллекта.* – Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 240 с. – Kai-Fu Lee. "AI Superpowers. China, Silicon valley, and the new worlds order". Houghton Mifflin Harcourt. – Boston, New York, 2018.

4. www.cost.eu/cost-action/language-in-the-human-machine-era/

5. Комиссаров В.Н. *Перевод как объект лингвистического исследования*. Ст. в Хрестоматии : Проблемы переводческой интерпретации текста в трудах российских лингвистов конца 20-го, начала 21-го веков. Ереван: Лингва, 2009. – С. 5–21. Komissarov V.N. Translation as an object of linguistic research. In: Problems of translation interpretation of the text in the works of Russian linguists of the late 20th, early 21st centuries. Yerevan: Lingua, 2009. – P. 5–21.

6. Головин С.Ю. *Словарь психолога-практика*. – 2-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 976 с. Golovin S.Yu. Practical Psychologist Dictionary. – 2nd ed., Rev. and add. – Minsk: Harvest, Moscow: AST, 2001. – 976 p.

7. Ghiu B. *Despre traducere, o perspectivă franceză (de lucru)*. In: Atelier LiterNet, http://atelier.liternet.ro/articol/16702/Bogdan-Ghiu/Despre-traducere-operspectiva-franceza-de-lucru.html

8. Ghiu B.. *Europa este traducere, interviu consemnat de Matei Martin*. În: Dilema veche, 2015 nr. 586, p. 7–13. http://dilemaveche.ro/sectiune/zicultura /articol/europa-este-traducere-interviu-bogdan-ghiu

9. Псурцев В.Д. *К проблеме перевода и интерпретации художественного текста : об одном критерии адекватности.* В: Проблемы переводческой интерпретации текста в трудах российских лингвистов конца 20-го, начала 21-го веков. – Ереван, Изд. Лингва, 2009. – 260 с. Psurtsev V.D. On the problem of translation and interpretation of a literary text: on one criterion of adequacy. In: Problems of translation interpretation of the text in the works of Russian linguists of the late 20th, early 21st centuries. – Ed. Lingua, Yerevan, 2009. – 260 p.

10. Зимбардо, Ф., Ляйппе, М. *Социальное влияние.* – СПб. Изд. "Питер". – 448 с. Zimbardo F., Leippe M. Social impact. – SPb. Ed. "Peter", 2000. – 448 p.

11. Барт Р. *Война языков (La guerre des langages)* : Выступление на симпозиуме Le Conferenze dell'Associazione Culturale Italiana, 1973. Перевод выполнен по изданию: Barthes R Le bruissement de la langue P Seuil, 1984, p 127–132. https://redpsychology.wordpress.com/2013/11/23/%D1%80%D0%BE%D0%BB% D0% B0%D0%BD-%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%82-%D0%B2%D0%BE% D0% B9%D0%BD%D0%B0-%D1%8F%D0%B7%D1% 8B%D0%BA% D0%BE%D0%B2/

12. Барт Р. http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm

13. Райс К. *Классификация текстов и методы перевода*. Сб.Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202–228. Rice K. Classification of texts and methods of translation. In: Questions of the theory of translation in foreign linguistics. – M., 1978. – P. 202–228 http://www.philology.ru/linguistics1/reiss-78.htm

14. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика.* М., Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова.– М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

15. Оруэлл Д. *1984*: роман. – М.: АСТ, 2016. – 364 с. George Orwell "1984", pdf, 393 p. Free eBooks at Planet eBook.com

16. Condrea I. *Traducerea din perspectivă semiotică*. Chişinău: Cartdidact, 2006. – 266 p.

17. Robot A. *Scrieri. Poezie. Proză. Publicistică*. Eseu. Text ales și îngrijit, studiu introductiv, repere biografice, note și comentarii, iconografie de Nina Corcinschi. – Chișinău: Știința, 2018. – 448 p.

18. Ghiu B. *Traducerea de (ca) teorie, punct arhimedic*. Articol in Atelier LiterNet, 28.02-http://atelier.liternet.ro/articol/16702/Bogdan-Ghiu/Despre-traducere-operspectiva- franceza-de-lucru.html

19. Данилов Н. Маша и Инопланетянин. Роман. – М.: Вест-Консалтинг, 2018. – 198 с.

20. Бродель Ф. *Структуры повседневности: возможное и невозможное*. Т.I. – М.: Прогресс, 1986. – 623 с. Braudel F. Structures of everyday life: the possible and the impossible. T.I. – M.: Progress, 1986. – 623 p.

Надійшла до редколегії 10.12.20

М. Метляєва (Лук'янчикова), д-р філол. наук., наук. співроб.,
Інститут Румунської Філології
"Богдан Петричейку-Хашдеу" (Республіка Молдова)

ТРАНСГУМАНІЗМ, ШТУЧНИЙ ІНТЕЛЕКТ І ДУАЛЬНІСТЬ ПЕРЕКЛАДУ

Трансгуманізм передбачає вдосконалення людини як некінцевої ланки еволюції на основі його сполучення з технологічними елементами. Новоутворення "людина-машина", з погляду автора, є сумнівним благом для людської цивілізації і планетарної екологічної системи. Воно, перш за все, анахронічне і переслідує основну мету – сингулярність, тобто управління інтелектуальною енергією в жорстких рамках технології. Розумова діяльність і одна з найскладніших її сторін – переклад думки в мовну форму – є перешкодою на шляху створення досконалого штучного інтелекту, так як переклад не обмежується формулами. Точність термінології і відсутність багатозначності слова – мета Штучного інтелекту і одночасно – обмеження розвитку мовного мислення.

У статті схематично представлена експліцитна послідовність перекладацького процесу. На конкретних прикладах автор демонструє різницю розумових операцій Штучного інтелекту та людини в процесі перекладу. На думку автора, переклад є універсальною властивістю людського мислення, і процес втілення думки в мовну форму обумовлений біолого-генетичною, емоційною, соціально-історичною пам'яттю і досвідом, а також можливістю індивідуального перекладу думки на рідну і будь-яку мову. Крім того, переклад є одним із найпотужніших якостей виживання homo sapiens.

Ключові слова: *трансгуманізм, сингулярність, штучний інтелект, переклад, пам'ять, досвід.*

M. Metlyaeva (Lukyanchikova), Dr. Hab.,
Institute of Romanian Philology
"Bogdan Petricheicu-Hashdeu" (Republic of Moldova)

TRANSHUMANISM, ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DUALITY OF TRANSLATION

Transhumanism presupposes the improvement of man as a non-finite link of evolution based on his connection with technological elements. The neoplasm "man-machine", from the point of view of the author, is a dubious boon for human civilization and the planetary ecological system. It is, first of all, anachronistic and pursues the main goal – the singularity, i.e. management of intellectual energy within the strict framework of technology. Cognitive activity and one of its most difficult aspects – translation of thought into linguistic form – represent an obstacle to the creation of perfect artificial intelligence, since translation is not limited to formulas. The accuracy of terminology and the lack of ambiguity of the word are the goal of Artificial Intelligence and, at the same time, the limitation of the

development of linguistic thinking. The article schematically presents the explicit sequence of the translation process. Using specific examples, the author demonstrates the difference between the mental operations of artificial intelligence and humans in the translation process. According to the author, translation is a universal property of human thinking, and the process of translating thought into speech form is due to biological-genetic, emotional, socio-historical memory and experience, as well as the possibility of individual translation of thought into the native language and any language. Moreover, translation is one of the most powerful survival qualities of homo sapiens.

***Key words**: transhumanism, man-machine, singularity, artificial intelligence, translation process, word polyphony, memory, experience.*

УДК 82.08.81'38

І. Смущинська, д-р філол. наук, проф.,
Д. Мігунова
Київський національний університет
імені Тараса Шевченка (Україна)

ПЕРЕКЛАД ПОРІВНЯНЬ І СТРАТЕГІЯ ОДОМАШНЕННЯ ТА ЗМІНИ ХУДОЖНЬОГО ОБРАЗУ (НА ПРИКЛАДІ ІДІОСТИЛЮ МИКОЛИ ЛУКАША І ЙОГО ПЕРЕКЛАДУ РОМАНУ "ПАНІ БОВАРІ" ГЮСТАВА ФЛОБЕРА)

Стаття присвячена вивченню стратегій і тактик, використаних Миколою Лукашем при перекладі художніх порівнянь роману Ґюстава Флобера "Пані Боварі" (1856–1857), а також найуживаніших перекладацьких трансформацій, характерних для його стилю. З'ясовано основні підходи до відтворення в перекладі порівняльних конструкцій.

***Ключові слова:** порівняння, переклад, ідіостиль, перекладацька трансформація, одомашнення, французька мова.*

Гюстав Флобер, французький письменник-класик, відомий естет і перший стиліст французької літератури, як відомо, велику увагу приділяв порівнянням. "Стиль, це порівняння" ("*Le style, c'est la comparaison*"), колись написав про нього Жан-Поль Сартр. Письменник сам усвідомлював своє своєрідне "зловживання" цією стилістичною фігурою, він написав у листі до Луїзи Коле: "*Je suis dévoré de comparaisons, comme on l'est de*